

Назад в родовое общество

(Судьбы коренных жителей Сибири и Дальнего Востока)

А.Б. Спесивовский

Back to the Tribal Society

(Fates of the indigenous Peoples of Siberia and the Far East)

Процесс расселения человека по незаселенным и малозаселенным пространствам планеты явление закономерное. Он идет на земле с древности и от этого уйти невозможно. На карте мира в скором будущем, очевидно, не останется белых пятен и, по мере увеличения численности людей, будут заселены те территории, которые считались ранее непригодными для жизни. Все человеческие общности, в силу распространения по более пригодным и менее подходящим для жизни территориям, имели разные возможности для развития, отсюда подразделение всех этносов земли на более развитые в культурном и социальном отношении народы и менее развитые. Всякое проникновение в среду обитания коренного населения общностей с более развитой социальной организацией и культурой ничего хорошего, как правило, аборигенам не приносило. При столкновении с пришлыми народами численность аборигенных этносов земли обычно начинала уменьшаться. Тоже закономерный процесс. Такая тенденция являлась следствием болезней, приносимых извне, вытеснения с исконных мест проживания в более неблагоприятные для жизнедеятельности районы, ассимиляции или истребления. Некоторые народы при встрече с цивилизацией в своем полном составе прекратили существование. Одним из ярких примеров этого является судьба тасманийцев. Многие этносы потеряли свои локальные группы и отдельные

роды. Так в 1941 году в Японии умер последний северокурильский айн (Кодама, 1969, с. 17).

В противоположность многим другим этносам мира, вытеснять аборигенов Сибири из мест с суровыми природно-климатическими условиями и огромной территории совершенно никому не требовалось. Проникновение русских в Сибирь состоялось без истребления аборигенного населения в ходе военных столкновений. Отдельные стычки с казаками, правда, были, но в общем завоевание сибирских просторов носило, скорее, характер экономической экспансии.

Тем не менее, сибирские коренные народы, соприкасаясь с пришельцами, также понесли потери. Достаточно отметить, что во второй половине XVIII века от эпидемии оспы, принесенной на Северо-Восток русскими служилыми людьми, погибли так называемые пешие тунгусы—оседлая этнографическая группа, расселявшаяся на побережье Охотского моря. Та же участь постигла оседлых коряков и юкагиров (История и культура эвенов, 1997, с. 165).

В свою очередь кочевые этнические общности Сибири—охотники и оленеводы тайги и тундры, со своей традиционной экономикой и образом жизни, оказались гораздо более жизнеспособными и жизнестойкими, нежели оседлое население. В силу огромных расстояний, они были иногда просто недостижимы для эпидемических заболеваний.

Однако при царе и те и другие—оседлое население и кочевники, как и тысячи лет назад, оставались практически предоставлены сами себе, пребывая в первобытном состоянии и живя по законам родового общества. Их жизненные проблемы мало интересовали царскую администрацию в столице Российской империи и на местах. Лишь бы аборигены были послушны государю императору и исправно платили ясак. В основном только с этой целью коренное население приобщалось к православию и обучалось в церков-

но-приходских школах северных поселков. Поэтому нет ничего удивительного, что вспышки инфекционных заболеваний и эпизоотий, сопровождавшиеся массовым падежем домашних животных и, соответственно, гибелью местных жителей, периодически повторяющиеся сезонные голодовки, доводили многие группы аборигенов до бедственного состояния. Достаточно вспомнить удручающие своей страшной действительностью строки из работы В. Йохельсона “Yukaghir and the Yukaghirized Tungus”, где он описал случай людоедства у юкагиров, дошедших до крайности во время голода (Jochelson, 1910, p. 54). Во время полевых работ на Охотском побережье, мне также приходилось слышать от эвенков рассказы о каннибализме в царское время у представителей эвенкийского рода Нюромни.

В юридическом отношении народы Севера были полностью бесправны. Бесчестные чиновники и скупщики пушнины грабили аборигенов, спавая их спиртными напитками. Униженное положение и противопоставление русским отразилось в объединяющем всех их названии “инородцы”, закрепленном в своде официальных актов государства—“Положении об инородцах” 1892 года.

Деграция коренного населения прогрессировала, и нищенское, убогое существование постепенно вело к вымиранию.

Координально ситуация изменилась после прихода на Север советской власти. Стремясь показать преимущества социалистического строя над капиталистическим, народная власть начала мероприятия по преобразованию жизни коренных народов. С рабоче-крестьянской непосредственностью в среде аборигенов Сибири, с помощью “культбаз” и “красных чумов” началось культурное строительство. Большую помощь здесь северным народам оказал созданный в 1924 году Комитет содействия народностям северных окраин (Комитет Севера). Комитет собирал данные по истории, культуре и быту аборигенов, занимался планированием мер по экономическому развитию

коренного населения, выработкой мероприятий по его защите и т.д. С Комитетом Севера было связано имя корифея отечественного сибиреведения В.Г. Богораза, которого, собственно, и следует рассматривать, как организатора этого учреждения. Именно участие в работе Комитета знаменитого этнографа и привлечение В.Г. Богоразом в него других талантливых людей обусловили успехи работы организации.

В советское время для девяти северных народов специалистами была разработана письменность, началось преподавание на родном языке в школах, появились национальные газеты и литература. Аборигены Севера получили возможность учиться не только в начальных, средних и средних-специальных, но и в высших учебных заведениях, в самых крупных культурных центрах Советской России. И, если человек имел желание учиться и горячее стремление к этому, льготы, предоставляемые малым северным народам государством, помогали в получении образования. Причем льготы часто ставили аборигенов Севера в более привилегированное положение по сравнению с другими жителями Советского Союза. Коренные этносы Сибири и Дальнего Востока, особенно после войны, смогли обучаться не только в институтах и университетах, но и в аспирантурах, получали ученые степени, жили в крупных городах. В результате этой политики в среде северных народов появились свои учителя и врачи, писатели и ветеринары, ученые и поэты, а также руководящие работники и бюрократия, что при царе было совершенно немыслимо. По количеству специалистов в разных областях знаний из числа коренных народов Сибири и Дальнего Востока с Советским Союзом, пожалуй, не сравнится никакая другая страна мира. Факт против которого возразить нечего.

При советской власти коренные жители Севера перестали зависеть от эпизоотий, поголовья домашних и диких животных, количества добытого зверя и пойманной рыбы. С постепенным развитием различных видов

коммуникаций и средств транспорта на Севере, местное население начало получать все самое необходимое для жизни с помощью водных и наземных перевозок, а также по воздуху. Местному оленеводческому населению на базовые стоянки доставляли газеты и книги из сельских библиотек, для них проводилась демонстрация кинофильмов, пересылаемых по воздуху и т.д. О поставках необходимого продовольствия и говорить не приходится. На севере Камчатки (пос. Слаутное), например, в начале 80-х годов, у корякских оленеводов, мне приходилось видеть в тундре целые контейнеры, нагруженные продовольствием. На базовые стоянки они доставлялись тракторами совхоза. В контейнерах было все то, что необходимо для существования в природных условиях—всевозможные консервы, крупы, концентраты, сухое молоко, сахар и соль, растительное масло и спички и т.п., причем в количествах превышающих потребности кочевой группы. В некоторых поселках с преобладанием коренного населения были построены Дома пенсионеров. Не могу сказать, что эти общественные заведения, которые я видел в эвенских населенных пунктах, отвечали всем требованиям для домов престарелых и их можно считать идеальным местом жительства для стариков, но и это лучше, чем ничего. За годы советской власти на Севере было налажено также медицинское обслуживание населения. Во многих поселках для местного населения имелись больницы. Регулярно производилось ветеринарное обследование домашних животных, которым делали прививки. Прежде об этом, конечно, нельзя было даже мечтать.

Следует особо отметить, что нерентабельные и явно убыточные хозяйства Севера при советской власти пользовались государственными дотациями. И в этом нет ничего предосудительного. Те, кто в силу изначального обитания в трудных экстремальных условиях Севера не смогли в течение своего исторического развития самостоятельно достичь культурно-хозяйственного уровня характерного для западных этнических общностей,

эту помощь от центральных и местных властей должны были получать. Разве виноваты люди, что они испокон веков расселялись в местах с суровым и малопригодным для жизни климатом?

Все это не следовало бы забывать тем, кто видит в деятельности советской власти на Севере только один вред. Разумеется, побуждения у строителей новой жизни были лучшими. Вряд ли кто-нибудь сможет доказать, что новая власть умышленно хотела сделать аборигенам зло. Однако позитивное всегда сосуществует с негативным, в первую очередь из-за отсутствия опыта практической работы и из-за дилетантизма. Везде, при решении национальных вопросов и при национальном строительстве, нужны грамотные люди—специалисты-экологи, экономисты, зоологи, лингвисты и т. д. и обязательно этнографы, причем наделенные полномочиями, а не совещательным голосом при невежественном руководстве. В противном случае недостатки и результаты бездумной деятельности не заставят себя долго ждать и могут иметь совершенно обратный эффект, что очень часто и случалось на Крайнем Севере. Взять хотя бы борьбу с классовым врагом к которой призывали аборигенов Севера в 20-30-е годы местные власти. Сущность этой борьбы была совершенно не понятна коренному населению. Какая, к примеру, может быть классовая борьба в пределах рода, где имущие и дееспособные его члены содержали и помогали неимущим, где существовали древние принципы родовой взаимопомощи. Люди не понимали, как человек, родственник, имеющий стадо оленей, может рассматриваться как классовый враг. Да и вообще, что такое классы в обществе, не зная ни рабовладения, ни феодализма, ни капитализма? То же относится к борьбе с шаманством. Шаманы всегда были в пределах определенной общности лекарями-психологами, “защищавшими ее от злых духов” и всевозможных неприятностей извне, посредниками между миром людей и сверхъестественных существ. Поэтому любые акции, направленные против

шаманов, воспринимались обычно местным населением весьма отрицательно в открытой форме или в виде скрытого неодобрения.

В разное время и в разных местах Севера, без учета традиций и этнической специфики, были осуществлены и другие необдуманные мероприятия. Не всегда обоснованными были, например, ликвидация мелких поселков и создание на их базе новых укрупненных населенных пунктов, перевод кочевников на оседлость и т.д. Получив жилье в многоквартирных домах, оленеводы иногда просто не представляли себе как им пользоваться. В поселке Нидым Эвенкийского автономного округа, к примеру, эвенкийские оленеводы затащили в квартиру второго этажа своих оленей и жили там вместе с ними некоторое время зимой.

Как правило, не учитывались интересы местного населения при промышленном освоении заполярных районов.

Совершенно неудовлетворительно велась борьба с пьянством и алкоголизмом. Не было практически никакой профилактической и разъяснительной работы. Несколько раз на Камчатке я видел, как вернувшиеся после годичного производственного кочевания оленеводы, пропивали в поселке за несколько дней все деньги, заработанные ими за год—по несколько тысяч рублей (в деньгах конца 70-х годов это было очень много), привлекая к пьянкам родственников, знакомых и незнакомых. Совхозное правление и местные власти взирали на это равнодушно. Лишь бы не было поножовщины и перестрелок.

Ко всему этому следует добавить, что народы Севера в государственной официальной пропаганде всегда рассматривались в качестве “младших братьев” “великого русского народа”. Но пропаганда не очень заботилась о преодолении сложившихся в царское время стереотипов, в результате чего и при советской власти на бытовом уровне отношение к коренным народам было несоответствующим теории национального уважения. Очень часто можно

услышать и сейчас, как для представителей малочисленных народов Севера употребляются объединяющие их оскорбительные названия—“чурки” или “чукчи”, независимо от истинного наименования народа, чем подчеркивается их неразвитость и культурная отсталость.

Кроме того, отрицательную роль в деле национального строительства играло полное отсутствие критики. Открытое обсуждение проблем северных народов наверняка помогло бы им и властям в поисках путей по преодолению недостатков. Вместо широкого обсуждения злободневных вопросов в печати и перед общественностью, специалисты-этнографы должны были представлять после полевых работ лишь так называемые докладные записки, которые направлялись к министерским чиновникам, отвечающим за дела, связанные с проблемами северных народов. Чиновники и решали, принимать к сведению эти записки или нет.

Ошибки и недостатки работы советской власти на Севере, впрочем, также как и положительный опыт, теперь достояние истории. Но что бы не говорили противники социализма и советской власти и какими бы изъяснами не изобиловали ее действия на местах, одно остается ясным и неоспоримым—в послереволюционное и особенно в послевоенное время аборигенам Сибири и Дальнего Востока государством было гарантировано ни больше ни меньше, как право на существование. Вместо вымирания и исчезновения с лица земли, местное сибирское и дальневосточное население в советское время начало увеличиваться в своей численности. Об этом наглядно и красноречиво свидетельствуют материалы Всесоюзных переписей населения (см.: Терлецкий, 1932; Национальный состав населения СССР, 1991; Национальный состав населения РСФСР, 1990). Почему “любители” северных народов об этом скромно умалчивают—непонятно. Ведь в условиях притеснения, регресса и деградации прироста населения не бывает.

В период с 1926 по 1989 гг. народы Севера увеличили в совокупности

свой состав почти на треть. Единственный из 26 северных сибирских народов этнос, ительмены, уменьшил свою численность с 1926 по 1959 г., но к 1989 г. по сравнению с 1959 г. он опять увеличил ее почти на 1400 человек. А такие народы как эвены и долганы увеличились по числу больше, чем в 7.5 и 6.5 раз, соответственно. Пример послевоенного прироста численности эвенов наиболее показателен. Если в период с 1970 по 1979 г. прирост их численности составлял в целом по РСФСР 5.4%, то с 1979 по 1989 г.—уже 37% (История и культура эвенов, 1997, с. 12).

Увеличение численности сибирских народов в советское время можно объяснить не только условиями жизни, от чего зависит естественный прирост населения, или миграционными процессами, но и ростом национального самосознания, когда человек открыто осознает принадлежность к своему народу и не опасается осознавать это. Такое возможно только при национальной политике государства, отвечающей интересам того или иного народа. В противном случае, человек, наоборот, начинает скрывать свою национальность.

Но вот настали другие времена. Сначала началась перестройка с ее аферистическими кооперативами, затем последовал развал Советского Союза и переход к рыночной экономике, если это можно так назвать. “Рынок” сопровождался бестолковыми реформами, результатов которых не видно и сейчас, по прошествии семи с половиной лет после их начала. Вместе с реформами наступило время современного варварства и дикости. Народ оказался обобран, богатства страны подверглись разграблению пройдохами и мошенниками всех мастей и просто уголовными элементами, во вновь образовавшихся государствах русские превратились в людей второго сорта, толпы беженцев стали обычным явлением на территории некогда единой страны. С целью получения власти, привилегий и материального достатка, очень многие захотели стать депутатами различных дум, советов и собраний. В обществе

распространился дух наживы. Одним она нужна была для того, чтобы стать богатыми, для других—чтобы выжить. Но самое страшное заключается в том, что в гражданских войнах, от рук преступников и голода погибли сотни тысяч граждан бывшего союзного государства. По разным оценкам эта цифра приближается или превосходит миллион человек. Если бы народ в начале перестройки и реформ знал какую цену ему предстоит заплатить за “модернизацию” страны и “демократизацию” общества, если бы люди заранее были поставлены в известность, что они лишатся своих накоплений, сделанных в течение жизни, что многим из них придется покинуть родной дом и места, где они родились или погибнуть, все эти “благие” начинания, неизвестно ради кого, вряд ли получили бы одобрение и поддержку граждан страны, и события пошли бы, очевидно, по другому руслу. Но, как бы там ни было, прошлое вернуть невозможно. Большинство жителей России пострадало от очередного эксперимента и, прежде всего, это были коренные жители Севера. Некоторые русские, украинцы, белорусы и представители других народов к новым условиям в разной степени смогли приспособиться. Но для сибирских аборигенов все, что было связано с рынком, так и осталось чем-то неведомым, так как они, согласно прежней пропаганде, сделали гигантский шаг через все “измы”, что, в общем, так и есть.

Недавно мне довелось просмотреть видеозапись, сделанную в 1997 году японскими исследователями во время совещания общины якутских оленеводов Томпонского улуса. Оленеводы полемизировали о рыночной экономике, акционерных обществах, коммерции и других особенностях современного существования. Однако в речах и глазах людей было полное непонимание того о чем они говорят. Естественно, что выступающие постоянно оперировали штампами минувшего времени: “Сейчас соревнований нет, но мы должны быть впереди”. Оленеводы обсуждали вопросы ненужности и нерентабельности из-за дороговизны продукции оленеводства, говорили

о больших налогах, о проходимцах-торговцах “раздевающих бедного оленевода с головы до ног” (по словам оленеводов, стоимость некоторых пищевых продуктов в Якутске и на периферии различается более, чем в три раза), об огромных задолженностях всем и каждому (“Мы в долгах, как во вшах”), о “московском рае”, где о оленеводах ничего не знают и знать не хотят, об отсутствии ученых, которые прежде объезжали все стада, о том, что деньги сейчас получают только воры и т.п. Но чаще всего звучали слова: “Без государственной поддержки никто не сможет”.

В конце 80—начале 90-х годов, в период так называемой гласности, о проблемах аборигенов Севера писали много—было модно раскрывать пороки социалистического общества. Постепенно, с ухудшением экономического положения внутри страны и ростом социальной напряженности, о северных народах стали говорить меньше и меньше, нередко даже с нескрываемым раздражением. Со слов Б.П. Шишло, участника международного симпозиума “Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Euroasian World”, состоявшемся в Саппоро (Япония) в июле 1997 года, несколько лет назад один “очень известный этнолог, специалист по истории культуры народов сибирской тундры, которым он обязан своей профессиональной карьерой”, “на одном из важных совещаний, где дискутировался вопрос о правах этнических меньшинств Сибири”, раздраженно прервал своего коллегу словами: “Что вы всё носитесь с этими малыми народами! Сейчас русские погибают! А малые народы это что?” Своё высказывание этнолог сопроводил плевком, а затем энергичным растиранием его по полу ногой (Шишло, 1998, с. 5-6). Автор доклада не указал фамилию плевавшего, но, собственно, не в этом дело. Вызывает удивление само противопоставление “русские—малые народы”. Ведь и те и другие по Конституции являются равноправными гражданами Российской Федерации. И потом, семьдесят с лишним лет аборигены пользовались государственной

опекой и вдруг лишились её, оказались брошенными на произвол судьбы, что сделало положение северных народов катастрофическим.

Теперь снова о численности—показателе благополучия или бедствия народа. Согласно недавним данным, приведенным “Литературной газетой”, за последние шесть лет (то есть с 1992 по 1998 год) рождаемость аборигенов Севера снизилась на 34%, а смертность возросла на 42% (Литературная газета, 4 марта 1998, с. 1-2). Другими словами, пошел обратный увеличение численности аборигенов процесс.

Увы, тенденция снижения рождаемости и увеличения смертности в наше время в России характерны не только для северных народов. Но, когда речь начинает идти о резком уменьшении численности народов, которые состоят, например, всего из тысячи или менее человек, здесь уже должно быть не до дискуссий. Далее, если в критических ситуациях—в случае прекращения поставок топлива и продовольствия на север, пришлое русскоязычное население можно эвакуировать из районов Арктики (такую возможность не исключает Министерство по чрезвычайным ситуациям), то коренному населению уезжать некуда. Кому и где нужны аборигены Севера со своими традициями и образом жизни? А ситуация с завозом угля, мазута и продуктов год от года на севере становится все хуже и хуже.

Во времена плановой экономики, то есть при социализме, система северного завоза работала практически идеально. Но с началом реформ она начала давать сбои. Инфляция, попытка перевода поставок на рыночные рельсы, забастовки транспортников в связи с проблемой финансирования перевозок и, самое интересное, отсутствием того, что необходимо перевозить, а также другие причины (например, выбор, который поставило перед регионами Министерство финансов—либо закупать продовольствие и топливо, либо их перевозить), поставили северный завоз в 1998 году на грань срыва (Известия, 21 октября, 1998). Отсюда угроза голода и холода.

Отсутствие топлива создает также тяжелую ситуацию с подачей электроэнергии в крупные населенные пункты Камчатки, Чукотки, Сахалина, Магаданской и Амурской областей и т.д. В Петропавловске-Камчатском отпускаемая по лимиту электроэнергия стала причиной гибели людей. О национальных поселках этих же областей речи вообще не идет.

Эти и другие факторы (невывлата заработной платы и т.п.) привели к тому, что с Крайнего Севера, не дожидаясь крупномасштабных операций по переселению, уже начался отток русскоязычного населения, поставленного смелыми рыночными реформами в крайне тяжелое положение. За последние годы Чукотку и арктическое побережье покинуло более половины населения (Известия, 22 августа, 1997, с. 1). По некоторым оценкам, начиная с 1991 года, численность населения Крайнего Севера сократилась на миллион человек. Причем около 70% выехавших в другие районы страны—лица трудоспособного возраста (Известия, 23 июня, 1998). Это значит, что Север и его коренные жители теряют так нужных ему квалифицированных специалистов (врачей, учителей, технических работников и т.д.), прошедших многолетнюю адаптацию к местным условиям.

В настоящее время вопрос в лучшем случае ставится так: чтобы вновь вернуться на Север, надо временно отступить. И это отступление подразумевает ликвидацию 390 из 1400 населенных пунктов, расположенных в высоких широтах России (Известия, 12 января, 1999, с. 7).

В условиях нерентабельности большинства северных поселков, миграции русскоязычного населения и отсутствия средств у аборигенов Севера, стремительно начало исчезать все то, что существовало у них при советской власти: продукты питания, одежда, товары широкого потребления. Но самое важное—медицинское обслуживание, что для людей, живущих в природных условиях и в отдалении от культурных центров, в прямом смысле часто равносильно смерти.

Госкомсевер, чьей прямой обязанностью является выработка мероприятий по оказанию помощи коренному населению, у аборигенов уже никакого доверия не заслуживает. Да и о каком выполнении программ, разработанных в этом комитете, можно говорить, когда в России практически все государственные программы потерпели крах. Программ было и есть много, но результатов, кроме отрицательных, у реформ нет. Многочисленные указы, распоряжения и постановления, броские названия типа “О неотложных мерах по выводу из кризиса экономики и социальной сферы Севера Российской Федерации”, “О неотложных мерах по защите мест проживания и хозяйственной деятельности малочисленных народов Севера” или “Временные положения о статусе территорий традиционного природопользования” уже не первые. И надо полагать не последние. И зачем, спрашивается, все это принимать, если уже заранее известно, что ничего выполнено не будет.

Теряя последние надежды на помощь, в отчаянном стремлении спасти подрастающее поколение, коренные жители Севера начали взывать к международным организациям. Оленеводы поселка Омолон Билибинского района Чукотки отправили письмо в ООН. Вот некоторые горькие строки из этого письма.

“Нас, оленеводов, немного—чуть больше двухсот человек. В самом селе мы не живем, лишь некоторые имеют в нем квартиры. Оленей выпасаем за десятки и сотни километров, живем в брезентовых палатках. А зимы у нас суровые—морозы достигают сорока—пятидесяти градусов. Нет ни электрического света, ни газет, ни журналов, ни радиоприемников. Никто к нам годами не приезжает, и что в мире творится, только догадываемся. В самом селе живут и работают больше тысячи человек. Все они приехали временно из центральных районов России на заработки..., к нам относятся отчужденно, считают нас неряхами, глупыми и пьяницами. Приезжий

житель имеет заработок на порядок выше, чем у оленеводов, хотя в самом селе никаких производств нет. Работают в конторах, учреждениях—село живет за счет оленеводства. Такое ненормальное положение дел оленеводство подорвало, оленей становится все меньше и меньше. Живем мы тяжело—зарплату не дают уже несколько лет. Так что мы лишены самого необходимого. Нет продуктов питания, нет одежды. А вот наши руководители оленеводства в селе, районе, округе зарплату получают исправно. К тому же начальники наши распределяют между собой гуманитарную помощь, что идет из-за границы. Нам, оленеводам, гуманитарная помощь не доходит. До недавнего времени оленеводческие стойбища регулярно, один раз в год, обслуживал передвижной медицинский отряд. Мы всегда ждали врачей, нуждались в их медицинской помощи, теперь уже не ждем, медицинский отряд ликвидирован за отсутствием средств. Нет денег на аренду вертолета. Теперь к голоду, холоду добавились и болезни. Что нам, родителям, делать, когда на руках плачет заболевший грудной ребенок? Сколько умерло только из-за того, что не была оказана медицинская помощь. Вам трудно, невозможно представить, какая у нас дикая, беспросветная жизнь. Не дайте погибнуть нам, коренным жителям Чукотки” (Литературная газета, 4 марта, 1998, с. 1). Подписаться под этими словами готовы коренные жители всего Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации (там же, с. 1).

Наивные, бедные люди. В мире миллионы больных, голодающих и умирающих. И все они молят о помощи. А Россия, самая богатая страна на земном шаре, не может уже который год разобраться со своими проблемами, не может даже накормить голодных, предоставить им самое элементарное. Разве можно надеяться, что отдельные энтузиасты, общества, всевозможные международные группы по правам национальных меньшинств и даже такие крупные и представительные организации как ООН, в состоянии помочь всем аборигенам Севера. Если в стране все нормально, то и у коренного

населения все будет хорошо. Но если в государстве разруха и воровство, а каждый думает только о себе и любимыми способами борется лишь за свое выживание, если правительство меняется несколько раз в год, если законы не действуют и власть становится самоцелью, пользы ни от какой гуманитарной помощи не будет. В больном государстве она всегда попадет к тем, кто движим духом наживы, не по адресу. В случае с Россией гуманитарная помощь станет эффективной только при непосредственной передаче необходимого в руки нуждающихся. Но что это будет стоить и какими силами это можно осуществить? И сколько лет или десятков лет это будет продолжаться? И какие бы сейчас постановления не принимали, с отъездом основной массы русскоязычного населения с Севера, бедствующим аборигенам, с их малоэффективным, гибнущим традиционным хозяйством, никто не поможет и не привезет самого необходимого. Какие бы указы не издавались, предприимчивые коммерсанты и различные акционерные общества, ради выгоды и прибыли, никогда не отдадут коренному населению Дальнего Востока территории его традиционного природопользования. И совершенно очевидно, что местные районные администрации будут содействовать предпринимателям потому что от них можно что-то получить. Аборигенам, напротив, нужно только давать.

Коренные жители Севера говорят: “Нужно вытащить Россию-матушку из кризиса, тогда и нам будет хорошо”. И это правда. Спасти народы Севера, впрочем как и саму Россию, может только Россия. Ей надеяться не на кого. России нужны умные руководители, сильное и дееспособное правительство, люди, которые будут работать за совесть, болея за свое дело, жертвуя собой ради возрождения страны, а не те, кто заинтересован только в личном благополучии. Единственной привилегией любого ответственного лица, будь он высшего или низшего ранга, должна быть работа по 24 часа в сутки. Те, кто стремится к власти или хочет ее удержать, показывают

чудеса изобретательности. Неужели и народ тоже не способен на такие же чудеса, не может, наконец, создать такой механизм власти, от которого ему же самому станет лучше. Наверно, сейчас это главное.

А пока положение, как это не страшно, беспросветное. Жители Севера простодушны и доверчивы, их, как и при царе, легко обмануть и отобрать последнее. Им нужна именно государственная поддержка. Но в масштабах России, при развале экономики, очередь до аборигенных этносов может прийти не скоро. История показывает, что всякая смута на Руси продолжалась десятки лет. Происходящее сейчас в России отразится, очевидно, не на одном последующем поколении. Хотя любой народ представляет собой жизнестойкий организм, десятилетий смуты и последующего за ней восстановления народного хозяйства вполне может хватить для исчезновения с лица земли этноса численностью в несколько сотен человек. Может случиться так, что через определенный временной промежуток в России будет не 26, как сейчас, а 25, 24 или 20 коренных народов Севера.

Как России никто не поможет, так, к сожалению, и аборигены Сибири и Дальнего Востока сейчас смогут выжить надеясь только на собственные силы, полностью переходя к традиционным формам жизни, используя многотысячелетний опыт сосуществования с природой, что они, в принципе, и вынуждены делать, возвращаясь из социализма в родовое общество, к первобытности.

Примечания

1) Известия (газ.), 22 августа, 1997; 23 июня, 1998; 22 октября, 1998; 12 января, 1999

2) История и культура эвенов. Историко-этнографические очерки. Санкт-Петербург, 1997

- 3) Литературная газета (газ.), 4 марта, 1998
- 4) Национальный состав населения РСФСР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва, 1990
- 5) Национальный состав населения СССР. По данным Всесоюзной переписи населения 1989 г. Москва, 1991
- 6) Терлецкий П.Е. Население Крайнего Севера (по данным переписи 1926—1927 гг.). Ленинград, 1932
- 7) Шишло Б.П. Коренные народы Сибири и Россия: особенности отношений.—*Quest for Models of Coexistence: National and Ethnic Dimensions of Changes in the Slavic Eurasian World*. Ed. by K. Inoue and T. Uyama. Sapporo, 1998
-
- 8) Кодама Сакудзаэмон. Аину-но бунпу то дзинко (Распространение и демография айнов).—Аину миндзокуси (Этнографическое описание айнов). Аину бунка ходзон тайсаку кёгикай (Совещание по сохранению культуры айнов). Т. 1. Токио, 1969 (на яп. языке)
-
- 9) Jochelson W. The Yukaghir and the Yukaghirized Tungus. —*Memoirs of the American Museum of Natural History*. Vol. 13, pt. 1. Leiden—New York, 1910.